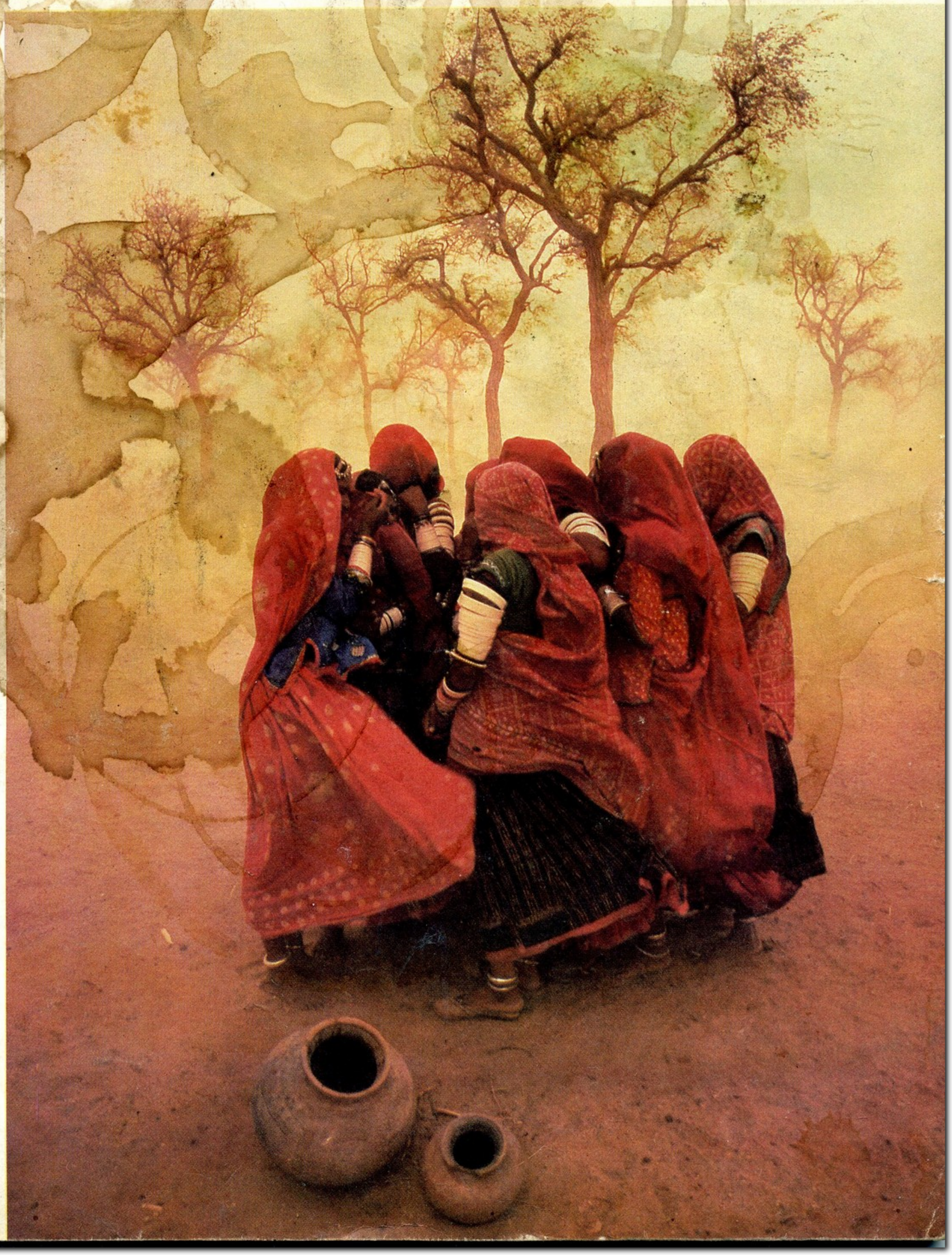
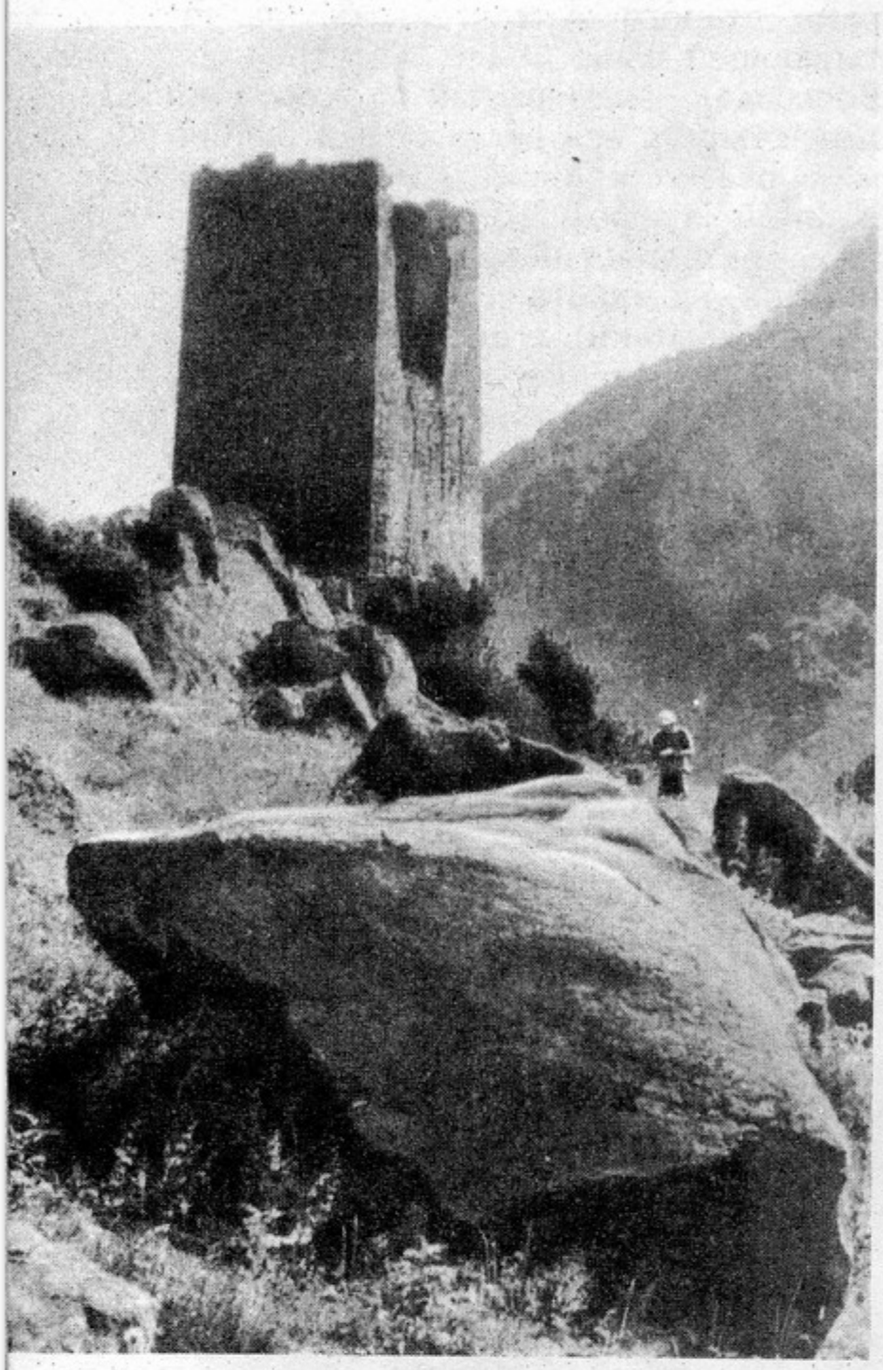
ВОКРУГ СВЕТА

5 1989



КАМЕНЬ С БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЕЙ

Г. КУСОВ,
кандидат исторических наук
Фото А. КЛУШИНА



Куртатинское ущелье. Здесь, за аулом Харисджин, у подножия старинной башни, лежит этот чашечный камень.

Сколько ни приходилось мне останавливаться в горных селениях, нигде не было лучше, чем в гостях у старого Созрыко, в ауле Лац, что в Куртатинском ущелье. В доме Созрыко я мог часами сидеть на широком диване, сработанном еще в прошлом веке осетинскими мастерами братьями Колиевыми, и слушать рассказы о легендарных предках осетин — нартах.

Однажды Созрыко подвел меня к окну, за которым в полуденном мареве дымились вздыбленные снежные пики.

— Вон там,— он показал на пойму реки Фиагдон,— когда-то было поле для игрищ нартов — Зилахар. А с того высокого обрыва сбрасывали приговоренных к смерти: другого такого «удобного» места близ аула нет...

Слушая Созрыко, невозможно было не поверить в предание.

— Обреченных, — таинственно продолжал рассказчик,— не надо было вести к месту казни. Суд заседал тут же, у обрыва. Необычный суд, без защитников и прокурора... Обвиняемый брал в руки шарик, скатанный из крутого теста, и бросал на усеянную ячейками поверхность камня.

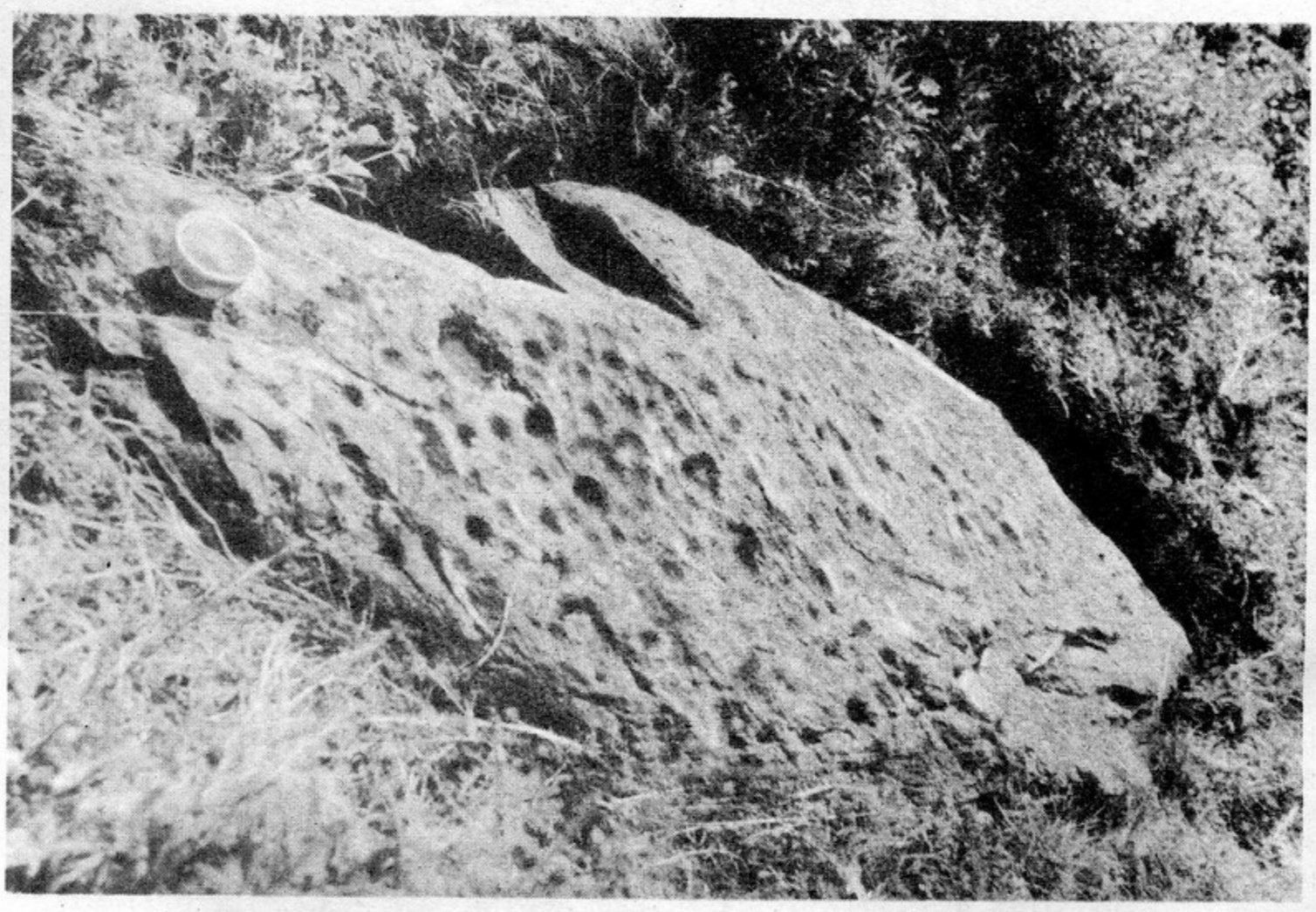
Созрыко повел меня по аулу, к загадочному камню. «Уайджи-дур» называли его — Камень великана... Необычный судебник лежал на валунах у фамильных домов-башен Тебиевых и Дулаевых. На плоской поверхности гранитной глыбы, несомненно отшлифованной водами Фиагдона, я увидел углубления самой разной величины: от миллиметра до трех сантиметров в диаметре. Они были явно нанесены рукой человека.

Каждая ячейка, по мнению Созрыко, обозначала разные виды наказания — изгнание из аула (очень позорное наказание), сбрасывание со скалы, побитие камнями, плаху, кинжал... Но у обвиняемого была надежда спасти жизнь: если шарик попадал в особую ячейку, суд заканчивался оправданием и пиром за его счет.

История чашечных, или точечных, камней уходит в седую старину. В прошлом веке ими занимались ничуть не меньше, чем сегодня берестяными грамотами или северными лабиринтами. Много писали о них на Западе. В России большим специалистом по чашечным памятникам был князь П. А. Путятин. Он проследил географию распространения чашечных камней и систематизировал их назначение. «Мы видим много образчиков горизонтальных чашечных изображений,— писал он,— например: во всем Индостане, скалах Камау, в Накпоре, на берегах Инда, в долине Кашемира и у подножия Гималайской цепи, в Малой Азии, близ Смирны в Алжире, на Кавказе, в Швеции...» Чашечные выемки находили даже на стенах храмов.

Но для какой цели оставляли их древние люди? Чтобы увековечить какое-либо знаменательное событие? Было такое предположение, но Путятин не считал его верным. В Германии ему довелось видеть, как суеверные прихожане церкви Грейсвальда смазывали каменные ячейки маслом и дули в них, надеясь таким способом «получить освобождение от лихорадки». В Швейцарии полагали, что чашечные камни служили для жертвоприношения богам и злым гениям, в Скандинавии считали, что в каменные чаши жрецы собирали жертвенную кровь. Некоторые исследователи связывали ячейки с древними фаллическими изображениями — символами силы возрождения. В Пиренеях у огромного гранитного монолита диаметром 4 метра 70 сантиметров окрестные крестьяне устраивали встречи, напоминающие языческие ритуалы.

Князь Путятин обнаружил камни с чашечками, расположенными на выпуклой поверхности, протертыми подобно сотам, и в Новгородской губернии. Он предположил, что углубления в камнях — это результат до-



бывания людьми огня при помощи трения. «У нас в России существовало (да, кажется, и теперь еще не совсем вывелось) обыкновение в Великий Четверг непременно добывать подобным способом огонь, который назывался живым,— отмечал он в докладе на Тифлисском археологическом съезде в 1881 году.— Крестьяне окуривали вереском (можжевельником) членов семьи, думая этим предохранить их от болезней. Более действенным, лучшим в этом отношении считался огонь, добытый в поле из камня».

Путятин лично убедился в том, что через полторы минуты трения дерева о камень с помощью песка появляется дым, а спустя час в камне образуется чашечка в полсантиметра глубиной. И все-таки он признает, что назначение каменных чашек пока решительно не определено...

К этому времени было известно и о лацком чашечном камне. Его видела археолог П. С. Уварова, жена видного русского ученого, организатора первых археологических съездов графа А. С. Уварова.

В канун археологического съезда в Тифлисе академик В. Ф. Миллер нашел большой чашечный камень на Северном Кавказе, недалеко от местности Татартуп, где, как предполагают, находился богатый средневековый город Дедяков. Камень этот имел круглую форму — в диаметре два аршина и один аршин в высоту. Поверхность его покрывало множество чашечных ямок величиной до 86 миллиметров в диаметре и до 19 миллиметров глубиной.

Специального исследования о чашечных камнях Северного Кавказа так и не появилось. Местные сказания упорно связывали их с легендарными богатырями — нартами. Уже в наше время профессор Л. П. Семенов в книге «Нартский эпос» писал: «По преданию, углубления эти произошли от прикосновения пальцев великого нарта». А этнограф Б. А. Калоев в своей книге «Осетины» привел другую легенду: «Во время состязаний между нартскими героями и великанами «уайджи-дур» использовался как мяч, владение им определяло силу и ловкость игроков».

Старый Созрыко позднее поделился со мной еще одной версией о лацком камне. Легендарные предки осетин будто бы использовали его для игры в кори. Деревянный шарик катали по ячеистой поверхности камня, и тот, кто чаще всех попадал в лунки, выходил победителем. В кори, уверял Созрыко, играли азартно: на барана, на бычка... Если деревянный шарик, хранившийся, по поверью, в сельском святилище Хуцау дзуар — Храме всевышнего, попадал в самую большую ямку, весь аул устраивал большой пир-куывд.

Присмотревшись внимательно к углублениям на лацком камне, я действительно заметил между ямками бороздки, нарезанные будто для прокатывания шарика...

Но вскоре камень в Лаце преподнес еще одну загадку.

Однажды я вышел рано утром из дома Созрыко с фотоаппаратом. На поверхности камня в лунки за ночь собралась влага. Я не придал этому значения, а когда напечатал фотографию, увидел на ней контур созвездия Большой Медведицы...

Еще князь Путятин ссылался в своих трудах на статью немецкого ученого Вихеля, обнаружившего на стене церкви Николая в Дипольсвальде углубления, расположение которых весьма напоминало созвездие Большой Медведицы. Путятин даже выдвинул на археологическом съезде предположение: не стремились ли подобным способом наши предки изобразить звездное небо? Тогда мало кто поверил в это: слишком случайной казалась находка Вихеля.

В последние годы ученые вернулись к забытой гипотезе.

Английский исследователь Дж. Вуд, например, доказывает, что древние памятники с чашечными углублениями в современной Великобритании были... астрономическим инструментом людей раннего бронзового века. В лунной обсерватории Темпл-Вуд, пишет Вуд в книге «Солнце, Луна и древние камни», «пять больших менгиров сгруппировались вместе, образуя очень вытянутый косой крест, причем самый высокий камень, украшенный глубокими чашевидными метками, находится в центре».

А недавно археолог В. А. Кузнецов открыл в верховьях реки Кубани чашечные камни. На одном из них просматривается созвездие Рыбы.

Безрезультатно закончились наши попытки дешифровать лацкий камень. Мы обливали его водой и наблюдали за лунками утром, в полдень и к вечеру. Вода из речки не сверкала, зато к утру накопившаяся за ночь роса каждый раз «зажигала» звезды Большой Медведицы. Но к продолжению чтения каменной карты звездного неба мы были явно не подготовлены. Я не оговорился, именно, карты, но зашифрованной и поэтому пока недоступной для изучения.

К сожалению, проделать подобный опыт с другими известными чашечными памятниками было невозможно. «Следовик», найденный академиком Миллером у Татартупа, утерян. В последний раз его видел в начале пятидесятых годов археолог Т. Б. Тургиев в районе строительства автодороги Ростов-на-Дону — Орджоникидзе. Исчез бесследно и чашечный камень, найденный в XIX веке на берегу Бологовского озера. Но по записям Путятина удалось установить, что он успел на нем обнаружить изображения созвездий Гончих Псов, Волопаса, Дракона и, что особенно интересно, ковш Большой Медведицы.

...Недавно я читал лекцию о чашечных камнях на турбазе в Орджоникидзе. Рассказывая о загадке лацкого камня, вспомнил Созрыко и заметил шутя, что легенда о нартах, игравших в деревянный мячик, мне кажется достоверной. Ведь в ущельях Осетии подобных памятников больше пока не обнаружено. Не привезли ли его в Куртатинское ущелье с равнины? Хорошо известно, что осетины любят предания о нартах, а поэтому они могли, так сказать, «играть» в них...

Когда закончилась лекция, ко мне подошел работник турбазы из Алагира Теймураз Марзаганов и уверенно сказал:

— В верховьях реки Цазиукомдон есть похожий камень!

Сначала я не поверил, но Теймураз твердо стоял на своем.

— Значит, проедете Харисджин, последнее жилое селение в Куртатинском ущелье, и увидите старинную башню,— объяснял Марзаганов.— Возле нее он и лежит.

Теймураз приметил мое недоверие и поспешно добавил:

— Поверьте, я из тех мест родом и помню камень с детства.

В следующее воскресенье мы поднимались в верховья Цазиукомдона. Вокруг возвышались громады хребтов, по склонам темнели пятна низкорослого леса, а на вытянутом скалистом мысе среди кустов рододендронов и белоствольных берез виднелись маленькая христианская церковь и башня.

Камень отыскали в густой траве на полянке между церковкой и башней. Внушительный продолговатый валун по форме отличался от элипсоидного лацкого. Камень едва выступал из земли, и его можно было принять за выходящую наружу коренную породу.

Поверхность валуна была усеяна множеством искусственных углублений примерно одинакового размера. Семь лунок с правой стороны были чуть-чуть больше других. Две большие лунки соединяла бороздка, четыре лунки находились в отдалении, а одна представляла собой настоящую чашу. Подумалось: если остальные точечные углубления представляют звезды на каменном чертеже, то большая чаша должна обозначать, конечно, Солнце. Подобной чаши лацкий камень не имел. Но оба камня находились в почитаемых горцами местах и, по-видимому, предназначались для одной цели.

— Значит, нарты проживали и в ауле Харисджин? — удивился Созрыко, к которому мы зашли на обратном пути. Тут он как-то натянуто улыбнулся. Ему, видно, очень не хотелось, чтобы его Лац уступил приоритет Харисджину. Но скорее всего мой гордый старый друг был немного уязвлен тем, что в его родном ущелье открыли редкий памятник без его участия и помощи.

— Не расстраивайся, Созрыко. Без тебя мы не стали бы искать эти камни,— сказал я.— Может быть, твоим правнукам будет суждено открыть их тайну.

Северо-Осетинская АССР